

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.4>

Протасова Ольга Львовна

Российский демократический социализм первой половины XX века в контексте мирового социалистического движения

Цель исследования - выявление черт, характеризующих русский демократический социализм как органическую часть международного социалистического движения. В статье наряду с базовыми положениями демосоциалистической идеологии рассматриваются ее трактовки, отражающие российские национальные политико-культурные черты. Научная новизна состоит в комплексном сравнении взглядов европейских и российских социалистов на принципиальные идеологические и тактические вопросы борьбы за социальный прогресс. В результате доказано, что отечественный демократический социализм, по существу, предвосхитил идею построения социально-правового государства, востребованную сегодня во многих западноевропейских странах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 23-30. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Prerequisites for Reorganization of Bailiff's Offices in the Central Caucasus in the 1850s

Nakhusheva Inara Ruslanovna

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
nakhusheva.inara@bk.ru

The paper examines the factors that lead to replacement of bailiff's offices by military-public institutions in the Central Caucasus in the 1850s. The article considers the basic stages of these transformations: abolition of bailiff's offices of the Terek Chechens (1852), establishment of a court in Malaya Kabarda (1855), reorganization of the bailiff's head office in Vladikavkaz (1856), liquidation of bailiff's offices on the left side of the Caucasian line (1858). Scientific originality of the study involves identifying specificity of power transfer from abolished bailiff's offices to newly established power structures. The findings indicate that after reforms of 1858, the task of administering the district parts was imposed on assistant district chiefs entrusted with the powers previously exercised by bailiffs.

Key words and phrases: bailiff's offices; Central Caucasus; administrative structure; military-public administration.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.4>

Дата поступления рукописи: 15.08.2020

Цель исследования – выявление черт, характеризующих русский демократический социализм как органическую часть международного социалистического движения. В статье наряду с базовыми положениями демосоциалистической идеологии рассматриваются ее трактовки, отражающие российские национальные политико-культурные черты. **Научная новизна** состоит в комплексном сравнении взглядов европейских и российских социалистов на принципиальные идеологические и тактические вопросы борьбы за социальный прогресс. **В результате** доказано, что отечественный демократический социализм, по существу, предвосхитил идею построения социально-правового государства, востребованную сегодня во многих западноевропейских странах.

Ключевые слова и фразы: русский демократический социализм; идеология; политические партии; свобода; государство.

Протасова Ольга Львовна, к. ист. н., доц.

Тамбовский государственный технический университет
olia.protasowa2011@yandex.ru

Российский демократический социализм первой половины XX века в контексте мирового социалистического движения

Актуальность данного исследования обусловлена процессами, происходящими в современном мире. С одной стороны, это формирование мирового информационного пространства, глобализация, «открывающая» экономическим, политическим и социокультурным тенденциям и трансформациям границы разных стран, в том числе и России. С другой – возможно, в противовес размыванию мультикультурной среды, в качестве защиты от унификации культурных миров – в каждой стране сохраняется ориентация на национальные традиции, ценности и достижения, на собственный исторический опыт. Проблема борьбы человечества за свободу, демократию и социальный прогресс, оценка движущих сил этой борьбы – тема, которая вряд ли в обозримом будущем утратит свою важность, поскольку совершенствование общества, построение правового, социального государства в цивилизованном мире есть процесс непрерывный и практически повсеместный. С этим связана необходимость определить баланс «своих» и «чужих» заслуг, объективно оценить российский вклад в демосоциалистическую идеологию, которая в XX веке стала, наряду с либерализмом, доминировать в большинстве развитых стран. Данная тематика отличается *новизной*, поскольку комплексное сравнение основных взглядов на принципиальные идеологические вопросы зарубежного и отечественного демократического социализма проводится впервые. Выявление общих и особенных черт, иллюстрирующих русский демократический социализм как сегмент общеевропейского (а в дальнейшем – и мирового) и в то же время как оригинальное политико-идеологическое явление, составляет *цель* настоящей статьи.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, проанализировать базовые положения «классического» демократического социализма в его исторической ретроспективе и современном содержании; во-вторых, выделить чисто российскую социально-экономическую и культурную специфику, принимаемую во внимание социалистами-революционерами, народными социалистами и меньшевиками, представлявшими отечественное демосоциалистическое крыло, и отразившуюся в их идеологических и тактических построениях; в-третьих, показать процесс и результат инкультурации – встраивания российских социалистов-демократов в международную политико-культурную среду в годы эмиграции.

Основными *методами* данного исследования являются: системно-структурный (рассмотрение в общем контексте европейского и российского демократического социализма с выделением специфики последнего); компаративный (сопоставление мнений на базовые вопросы теории и практики интернационального

социалистического сообщества и русских социалистов – марксистов и народников); контент-анализ (применен для осмысления их идей), синтез (для подведения итогов исследования).

Теоретическую базу исследования составили, помимо оригинальных работ мемуарного, научного и публицистического характера деятелей демократического социализма рассматриваемой в работе эпохи [1-3; 16-19], исследования С. В. Кретиной [7], П. М. Кудюкина [8], К. Н. Морозова [11], А. П. Ненарокова [12], Н. В. Работяжева [14] и др.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для совершенствования образовательного процесса, а также в разработке проблематики соотношения гражданского общества и социального государства. Комплексный историко-политологический подход, взятый за основу в данном исследовании, станет полезен в преподавании учебных дисциплин социально-экономического и гуманитарного цикла уровней бакалавриата, специалитета и магистратуры.

В современном историко-политологическом обиходе можно часто встретить формулу «демократический социализм». Для западной культуры это понятие давно привычное. Демосоциалистическая теория формировалась с конца XIX в., ее идейными основателями по праву можно считать К. Каутского и Э. Бернштейна, развивавших и корректировавших марксистскую теоретическую базу на рубеже веков и в первые десятилетия XX в. Окончательно она была оформлена после Второй мировой войны, когда многие западные демократии на практике стали применять систему «врастания» социалистических начал в конкурентную рыночную среду капиталистических государств. Для многих социалистических и социал-демократических партий, активно и нередко успешно участвующих в борьбе за власть, эта теория стала официальной. Демократический социализм новейшего времени сблизился с либерализмом, еще в позапрошлом столетии прочно занявшим передовые идейные позиции в странах Европы, и особенно в США. Однако в отечественный широкий научный оборот словосочетание «демократический социализм» вошло значительно позднее – к объективному, беспристрастному осмыслению этого феномена российские ученые приступили уже в постсоветский период. Ранее в условиях идеологической заданности невозможно было проводить дихотомию между «социализмами» – это ставило бы под сомнение демократический характер социализма в его советском варианте. Между тем сама формулировка «*демократический социализм*», укоренившаяся на Западе, содержала в себе сознательное противопоставление той модели социализма, что создавалась в СССР.

В настоящей работе с целью сравнительно-сопоставительного анализа мы отделяем «классический» (европейский, мировой, «универсальный») демократический социализм от тех его истоков, что существовали в России – в начале XX века, в эпоху Великой российской революции, а также в рядах русской эмиграции межвоенного периода. Крупнейшими политическими организациями, проводившими в жизнь идеи демократического социализма в дореволюционной и революционной России, были партии: РСДРП (марксисты), социалисты-революционеры и народные социалисты (последние две представляли народническое направление). Несмотря на малый срок существования на тот момент полноценных партийных организаций в России, западная социал-демократия достаточно высоко оценивала их заслуги в борьбе с самодержавным режимом, бодрость революционного духа и самоотвержение ради высокой цели – свободы. В 1902 г. в газете «Искра» была опубликована статья К. Каутского «Славяне и революция», в которой автор заявлял о передвижении в Россию революционного центра. Периферийная для Европы страна, привычно представлявшаяся оплотом реакции и абсолютизма, теперь вполне могла послужить для европейского социализма, зараженного «духом дряблого филистерства и трезвенного политиканства» [5], источником революционной энергии, – считал человек, которого называли «римским папой марксизма» [7, с. 246]. Его мнение доказывает международную значимость российского социалистического движения, активисты которого, без сомнения, не могли не быть польщенными и вдохновленными столь авторитетной оценкой.

Базовые идейные проблемы, подлежавшие рассмотрению теоретиками демократического социализма, – это поставленная Э. Бернштейном дилемма «реформа или революция» (для российских социалистов-демократов начала XX в., чья деятельность пришлась на переломный для государственной системы период – вопрос более чем принципиальный), а также соотношение «демократия – диктатура», на котором заострял особое внимание К. Каутский. Для русского демократического социализма большую значимость имел также бернштейновский постулат о примате движения над целью. Не говоря о народных социалистах, для которых эволюционное развитие общества было единственно приемлемым, даже у эсеров, позиционировавших себя как партия радикальная и революционная, было много подтверждений того, что «цель оправдывает средства» – не их кредо. Меншевики, представлявшие умеренное крыло российской социал-демократии, по мере накопления партийного опыта постепенно все больше отходили от всякого рода политического авантюризма. В рамках РСДРП в межреволюционный период возникло течение, прозванное «ликвидаторством»: оно призывало свернуть все нелегальные формы партийной работы и вести открытую политическую деятельность. По их мнению, ситуация в стране после 17 октября Манифеста 1905 г. и столыпинской аграрной реформы позволяла умеренным социал-демократам «идти во все легально организуемые профессиональные союзы, участвовать и развивать все виды кооперации, работать в разных просветительных учреждениях, в отделах городских управлений и земств, укрепляться всюду, быть полезным, говоря свое слово» [2, с. 146]. Подобный настрой вполне отвечал проекту немецкой умеренной социал-демократии о «врастании в социалистическое общество», который гласил: действующие законным путем организации численно растущего и усиливающегося пролетариата добиваются влияния на процесс производства; профессиональные союзы все более ограничивают власть предпринимателей; со временем пролетарские депутаты, получившие доступ

в органы местного и государственного управления, добьются прогрессивных реформ [13, с. 35], способных качественно изменить и характер отношений в сфере производства, и сам общественный организм. В. И. Ленин, саркастически отрекомендовав меньшевиков-легалистов как «стольпинскую рабочую партию», заявил: «Ликвидаторы – это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду» [10, с. 80]. Однако Ленин по факту не был сторонником демократизма в своей собственной фракции: он не прощал инакомыслия ни соратникам-большевикам, ни, само собой, партии-конкуренту. Зато с позиции европейского социалистического сообщества меньшевики как раз заслуживали «звания» демократических социалистов и из-за терпимости к оттенкам мнений в собственной среде, и из-за своего отношения к методам достижения общественного прогресса – по классификации М. Вебера, не целе-, а ценностно-рационального. В приверженности моральным средствам в политике (и даже конкретнее – в революционном движении), свойственной российским умеренно-социалистическим партиям, можно также усмотреть очевидное родство с идейно-тактическими тенденциями западной социал-демократии первых десятилетий XX века. Ни одна из партий демократического социализма, в отличие от большевиков, не носила авангардного характера, не брала на себя миссии организации и осуществления пролетарской революции. По словам Каутского, задачей социал-демократической партии является превращение стихийной политической борьбы рабочего класса в сознательную, придание ей единства и *указание* ей курса на революционную перспективу [13, с. 20]. При этом, считал марксист, революция может принимать разные формы, не обязательно исключительно насильственные.

Многие лидеры отечественного демократического социализма в межреволюционный период часто бывали в Европе и были отлично знакомы с местной социал-демократической средой. Не единичными были случаи, когда на заре своей общественной деятельности будущие меньшевики, и особенно эсеры, учились в европейских университетах, заводя там политические знакомства, проникаясь атмосферой местной политической культуры, впитывая максимы авторитетных идеологов марксизма в его «ревизованном» варианте, утвердившемся к тому времени за пределами Российской империи. Для многих погружение в эту среду на всю жизнь определило идейно-политическую ориентацию. Марксизм был модным течением, особенно привлекательным для российских подданных тем, что обращал к будущему, внушал надежду на приобщение в конечном итоге отсталой, крестьянской, «лапотной» России к общеевропейским и даже мировым социальным процессам. По словам Н. В. Вольского (Валентинова), для молодежи 1890-х гг. марксизм был самым убедительным учением: «Нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями...» [3, с. 40]. Главным качеством, привлекавшим в ряды марксистов юных и энергичных людей, был европеизм. При этом российские приверженцы теории Маркса надеялись со временем на родине воплотить в жизнь основные принципы избранной ими доктрины, дополнив их социальным равенством и справедливостью. Неоформленная идея будущего «социального государства», таким образом, уже тогда представляла ценность для марксистского варианта русского социализма, хотя молодые марксисты старательно истребляли в себе «слабости» общечеловеческой морали и человеколюбия, противоречившие воспеванию насилия как пивальной бабки прогресса. Народническая же идеология, по словам Валентинова, представлялась молодежи устаревшей, малонаучной. В то же время некоторые, начав с марксизма (как, например, лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов), в дальнейшем, ориентируясь на российские реалии, выбрали именно народническое (точнее неонародническое) направление. Чернов отмечал, что до Маркса у социализма не было своей собственной экономической теории, и в прежние времена социализм занимался в основном «гуманитарно-филантропическими выводами» [18, с. 73]. Однако стараниями Маркса были пересмотрены основы социалистической теории, отброшены пережитки буржуазной науки, еще бытовавшие в социализме, в экономическом разделе социализм марксистского толка стал одной из самых стройных и убедительных теорий. Главное упущение марксизма, как считал Чернов, – полное пренебрежение к вопросам морали. Кстати, даже Каутский признавал, что в научных исследованиях Маркса порою ощущается влияние нравственного идеала, но основоположник научного коммунизма «постоянно и справедливо старается изгнать его» [13, с. 31]. Марксисты полагали, что нравственный идеал в науке превращается в источник ошибок, если дерзает указывать ей ее цели: объективно наука стоит над этикой [Там же]. Неонародничество принимало ряд марксистских тезисов, связанных с капиталистической экономикой, сменой формаций, но было менее категорично в отношении социальной базы революции и придавало большое значение вопросам этики для политика-революционера. Марксизм считал революционным классом пролетариат, неонародничество – всех трудящихся: рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию. По словам Чернова, программа эсеров отражала стремление сочетать «социалистические идеи с обычным правом и естественным трудовым мирозерцанием русского крестьянства» [Цит. по: 11, с. 43] – в этом и состоял «самобытный» и «национальный» элемент в целом «универсальной» социалистической теории революционных неонародников. Крестьянство, при его удельной массе в сравнении с другими классами и сословиями России, для народничества было основным объектом развивающей, просветительной работы. Его следовало подготовить к осознанию неизбежности социальной революции и последующего построения социализма, чтобы крестьянство могло принять в этих процессах самое заинтересованное и конструктивное участие. Эта работа была широко развернута народниками с последних десятилетий XIX века, и к моменту оформления политических партий ими был накоплен богатый опыт работы с «народом», получены фактические знания о нем. От социалистов-революционеров

в деле налаживания связей с крестьянской общественностью не отставала и партия народных социалистов. Альянс этих партий не состоялся по ряду причин программного и тактического характера, однако в отношении к «трудовому народу» у них было практически полное единство. Народные социалисты (иногда их именуют «либеральными народниками») придерживались мнения о необходимости эволюционного курса на социализм. Революцию они понимали не как единовременный насильственный акт, который скачкообразно переведет социально-политическую систему в новое состояние, а поступательное развитие общества и его движущей силы – трудового народа, переход количественных позитивных изменений в социуме в качественные. Можно сказать, что к той модели демократии, что утвердилась со временем на Западе, народные социалисты в своих политических вкусах были, пожалуй, ближе остальных российских демосоциалистических партий. Они выступали за парламентский путь развития страны, признавали исключительно открытую политическую борьбу, высоко ставили роль государства и его правовой системы во всех общественных делах. Поначалу некоторые организаторы народно-социалистической партии (А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др.) оказывали конспиративные услуги эсерам, включая и террористов, но довольно скоро они полностью исключили «крайние меры» из арсенала своих политических средств. При этом модель политического устройства, которую они создали, была по российским меркам достаточно радикальна. Она содержала такие условия: демократия, верховенство прав и свобод личности (о роли личности при социализме энесы вообще рассуждали очень много и в оценке значимости личностного фактора сближались с либералами – кадетами), сильное и справедливое государство (то, что теперь принято называть «правовым»), гуманизм, высокая степень развития местного самоуправления и т.п. Так же как и эсеры, они из собственного опыта отлично знали и понимали «народ», особенно крестьянство, умели разговаривать на его языке и отдавали немало сил делу его просвещения. Их издания «для народа», как и у эсеров – популяризация требований партии, но без примитивизации (чем нередко грешили большевистские агитаторы, «растолковывая» неграмотным слушателям учение Маркса). Народные социалисты не были апологетами классовой борьбы, а социальное устройство будущего видели, напротив, в достижении классового мира, удовлетворении интересов всех общественных слоев. В этом их представление о государственном идеале созвучно тому, за что выступали и продолжают выступать демократические силы за рубежом. Однако необходимо отметить, что вплоть до начала 1920-х гг., когда народно-социалистический актив по причине политических преследований на родине был вынужден перебраться в европейские страны, эта партия была менее других связана с зарубежным социализмом. В годы межреволюционной «реакции» костяк партии оставался в России, стараясь использовать все возможности открытой общественно-политической деятельности, продвигая свои идейные воззрения и оценивая события текущего момента в публицистике.

В «Комментариях к Эрфуртской программе» К. Каутский заявлял о неизбежности крушения существующего общества в результате революционной борьбы: невыносимо тяжелая и унижительная жизнь оставляет массе эксплуатируемого населения только выбор между пассивной гибелью либо активным ниспровержением существующего строя собственности. Такой переворот может принять самые разнообразные формы в зависимости от условий, в которых он происходит. Он отнюдь не связан обязательно с насилиями и кровопролитиями. Социальные революции не совершаются одним ударом, а подготавливаются годами и десятилетиями политической и экономической борьбы и совершаются при постоянных изменениях и колебаниях в соотношении сил отдельных классов и партий [13, с. 7].

Демократический социализм, в отличие от большевиков, не прогнозировал «идеальный результат» – то есть цель, как ему виделось государство будущего. Каутский подчеркивал, что ни одна революционная партия этого знать не может: хорошо, если она здраво оценивает тенденции, ведущие к этому обществу [Там же, с. 14] – тогда ее деятельность носит рациональный, а не инстинктивный характер. Российские социалисты-революционеры в общем и целом придерживались позиции, высказанной их идеологом В. Черновым: для них конечная цель – не абсолют, за которым уже нет ничего, а общий принцип, в котором «суммируются все... частные цели» [17, с. 15], ориентир для движения и совершенствования взглядов и позиций, которое неизбежно в процессе движения. Прошли те времена, доказывал Чернов, когда революционный социализм был наивен и мог надеяться одним ударом осуществить свои конечные требования, разбив общественное здание и заново построив его. Теперь революция – не противоположность эволюции; она имеет ряд переходных ступеней, часть из которых боевые, часть – мирные [Там же, с. 20]. Революция не исключает и средства реформ, если последние совершаются не с целью «примирить непримиримое, усидеть между двух стульев», а имеют задачей улучшить жизненные условия для людей труда, повысить общий физический и духовный уровень и, следовательно, боевую способность трудящихся классов [Там же, с. 21]. В данных тезисах явно прослеживается согласие с соответствующими положениями «Комментариев» Каутского. При этом, добавляет Чернов, социалисты-революционеры обязаны распознавать и разоблачать фальшь характера реформ, если таковая есть, и оценивать перспективность реформистского действия для революционных преобразований общества [Там же, с. 22]. Оценку политического развития страны эсер должен производить с точки зрения соотношения имеющихся в данном обществе сил: их численности, сознательности, организованности.

По оценке В. М. Чернова, основная программа российской социал-демократии, официально принятая в 1903 г., а фактически даже раньше, до революции 1917 г. в целом была единой для обоих «отделений» РСДРП – и для «твердых» (большевиков), и для «мягких» (меньшевиков). Этот вариант марксизма был назван Черновым «капиталистическим революционным» [4, д. 50, л. 14]. Анализируя спустя годы эту программу, Чернов рассудил, что в принципе возможны два политических способа осуществления социализма: демократия

и диктатура. По словам эсера, революционный марксизм вряд ли может претендовать на оригинальность идей относительно пути социального прогресса, поскольку программа демократии была уже выработана до и вне него; более того, марксизм к ней практически ничего не прибавил: он стоит на классократии, логически и фактически исключая демократию. Диктатура пролетариата никак не вписывается в демократический контекст [Там же, л. 28], поскольку любая форма диктатуры прямо противоположна демократии. Впоследствии – после оценки европейскими марксистами и русскими марксистами-эмигрантами большевистского «эксперимента» – «этот негативный элементаризм был стерт жизнью: приспособляясь к демократической среде, в которой жил марксизм (имеется в виду, конечно, главным образом, мир Европы, в меньшей степени – Северной Америки. – О. П.), марксизм все более усваивал чуждую его основаниям демократию и пассивно, ученически вписывал в свою программу даже не постулаты демократии, а прямо уже готовые ее формы в передовых странах» [Там же]. В результате марксизм трансформировался в универсальное демократическое течение, из-за отсутствия радикализма вполне приемлемое как идеология партий, стремящихся к власти, а диктатура пролетариата, оказавшись утопией, так и осталась абстрактным понятием. «Извращенный» вариант марксизма, воплотившийся в государственной идеологии советского государства, привел к тому, что там был построен «социализм экономического автоматизма», «русское самодержавие навыворот», «социализм роботов» [16, с. 20-21]. Трудящийся в СССР не вкладывает в свой труд *лично*го начала, поскольку не обладает индивидуальной и творческой свободой, а без осознания себя субъектом трудовой деятельности он перестает быть *человеком* труда, превращаясь в безликую часть машины – псевдосоциалистического производства. Что касается идеологической выдержанности послевоенных зарубежных социалистов, то, по наблюдению Д. Н. Шуба, по-настоящему марксистских партий в Европе после Второй мировой войны практически не осталось совсем [19, с. 383]. Даже в предвоенное время марксистами считали себя лишь социал-демократические партии Германии и Австрии, русские меньшевики и еврейский «Бунд» в Польше.

Русские социалисты-демократы много размышляли о морально-психологической сути, организации души социалиста – не как политика, а как человека. Они были убеждены, что помимо борьбы за правду, справедливость, защиты интересов угнетенных социалист должен стремиться к изменению отношения людей друг к другу: при социализме все «из конкурирующих особей... превратятся в товарищески-дружную семью» [2, с. 148], – мечтал Н. В. Валентинов. В. М. Чернов рассуждал о «сочувственном опыте», который по мере развития социума из узко-семейного, кланового развивается в общечеловеческий, связывая всех Homo Sapiens узами солидарности. Свои мысли эсер подкреплял практикой: например, в 1933 г. он призывал западноевропейскую демократическую общественность «отвлечься от законных антипатий» к большевизму и спасти голодающих в СССР. Чернов даже просил не смущаться тем, что помощь пойдет «через руки власти», которая выкачивает из страны все ресурсы и оборачивает в свою пользу ту помощь, которая приходит извне; перед лицом трагедии голода в огромной стране не может быть места злорадству эмиграции по поводу того, кто виноват в этих бедствиях [4, д. 50, л. 4].

В 1930-е гг. австрийский социалист Отто Бауэр (которому, кстати, приписывают «авторство» формулы «демократический социализм» [9, с. 194]) предложил дать актуальным на тот момент тенденциям социалистической мысли общее наименование «интегральный социализм», который мог бы «противоречивые идеологии демократического социализма и большевизма привести к высшему единству» [4, д. 17, л. 209]. В. М. Чернов, проживший к тому времени много лет в эмиграции, понимал, что такой универсализм – чистая утопия: он слишком хорошо знал большевиков и не обольщался тем, что на родине стараниями правящей партии смогут произойти демократические изменения. Без них же два варианта социализма – демократический и советский – представлялись ему вещами, абсолютно не сочетаемыми. Многие русские эмигранты, кстати, довольно резко критиковали позицию Бауэра по отношению к советскому опыту, считая ее слишком компромиссной и поэтому сомнительной как с теоретической, так и с этической точек зрения. По мнению современного исследователя П. М. Кудюкина, к такому «пробольшевистскому» конформизму Бауэра привели его революционные симпатии – он переживал, что революции в Германии и Австрии не развились в пролетарские [8, с. 13]. Более удачным Чернов считал название «конструктивный социализм». К базовым чертам такой платформы, которая могла бы примирить всех разумных сторонников социалистической идеологии, он отнес: исключение пути диктатуры; объединение всех слоев трудящегося и эксплуатируемого населения; конструктивизм критики в области социальной, политической и культурной жизни; социалистический планизм; активизм; антидогматизм; пацифизм (забота о «мире во всем мире», но в то же время – при необходимости допускающая применение санкций против нарушителей мира), гуманитарные начала (во главе угла – живая человеческая личность); интернационализм. Такой социализм, по Чернову, должен быть экспериментальным, доверяющим практическому опыту коллективного массового строительства новых учреждений, воплощающих в себе «новое трудовое правосознание и трудовую мораль» [4, д. 17, л. 243].

В послевоенные годы изменились и взаимоотношения меньшевиков и эсеров – теперь их связывало гораздо большее, чем разделяло. Принадлежность к русским партийным организациям за отсутствием таковых ушла в прошлое. Все это были теперь очень пожилые люди, долгое время прожившие в эмиграции, в отрыве от активной политики, если не считать выступлений в публицистике, на диспутах и собраниях, представлявших собой своеобразную форму досуга. В 1952 г. 14 представителей бывших ПСР и РСДРП в совместном обращении «На пути к единой социалистической партии» констатировали, что социальный строй без свободы, без демократии не может называться социализмом – это «худший вид рабства и бесчеловечного варварства» [11, с. 45]. Так была поставлена точка в более чем полувековых идеологических спорах русских демократов – марксистов и народников – о характере социализма. Консенсус был достигнут.

После Второй мировой войны в теории демократического социализма заметно возрос интерес к социальной роли государства. На это повлияло и усложнение политической организации западных стран, многообразие партий, рост авторитета левых партий и, как следствие, расширение возможностей социалистов в государственных масштабах. Авторы теории демократического социализма стали исходить из того, что постулаты Маркса – Ленина об антагонистической конфликтности классов, о непрременной революционности пролетариата, оценка государства как инструмента насилия эксплуататоров над эксплуатируемыми и т.п. в современных реалиях не выглядят убедительными, поскольку на смену поляриности классовых интересов приходит социальный плюрализм, позволяющий эти интересы согласовывать. Капиталисты и рабочие перестают враждовать: первые уже не обладают полновластием в обществе, а вторые стали полноправными гражданами государства и могут использовать его для защиты своих интересов. При этом государство – не исключительная, всеподавляющая властная сила, а обычный социально-политический институт, форма ассоциации, и права требовать повиновения индивидов у него не больше, чем у других ассоциаций, которые в рамках гражданского общества выполняют важные общественные функции и лучше государства обслуживают социальные нужды. В связи с этим проблема борьбы за *государственную* власть утрачивает свою остроту: управление обществом, распоряжение общественной и собственной жизнью можно эффективно осуществлять в рамках других структур: политических партий, общественных организаций, органов местного самоуправления. Множественность и действенность таких форм низовой гражданской самоорганизации и характеризует современные развитые демократии. Социализм же без демократии существовать не может. Демократия – платформа для построения социалистического общества, она, по словам А. Н. Потресова, – «то предварительное условие, без которого... социализм не может осуществиться вообще» [Цит. по: 12, с. 27].

«Замена частной собственности на средства производства собственностью общественной – вот то, что в силу экономического развития становится все более и более необходимым» [6, с. 89], – писал К. Каутский в 1896 году. К середине XX века этот вывод мировым социалистическим движением был категорически отвергнут, как и тезис о неизбежности пролетарской революции. Вместе с тем была дезавуирована и идея диктатуры пролетариата. Пролетарская революция для современного демократического социализма – некий «бренд» марксизма ушедшей эпохи, ныне абсолютно утративший свою актуальность. Во-первых, опыт «мировой системы социализма» дал наглядный пример того, к чему она приводит: к диктатуре правящей партии, командно-административной системе управления государством и всеми его институтами. Иных, более удачных опытов, которые привели бы «пролетарское» государство к торжеству действительных свобод, равенства и социальной справедливости, история, к сожалению, не дала. Демократия и диктатура (пролетариата ли, любого иного класса, партии, личности и т.п.) несовместимы. Рабочий класс должен, как и все социальные группы, ориентироваться в честной и цивилизованной политической борьбе на завоевание парламентского большинства. Отношения собственности не должны претерпевать коренных изменений: право на собственность – одна из добровольных «уступок», сделанных в XX веке социализмом либерализму. К тому же в постиндустриальную эпоху классовое деление перестает быть универсальным для характеристики общества: само понятие «пролетариат» уходит в прошлое. Коллективизм же, основа основ для «классического» марксиста, перестал считаться необходимым атрибутом счастливого общества равных. Новая социал-демократия перестала концентрировать внимание на коллективистских интересах людей, повернувшись лицом к отдельному человеку, его интересам и помыслам [15]. Получив возможность понаблюдать и ощутить коллективизм советского образца, даже бывшие поборники коллективности признали, что в свете столь печальных примеров «рост индивидуализма, выпрямление рабски согнутой личности – явление необходимое и желательное» [Там же]. В социализме сегодняшнего дня все очевиднее естественное слияние с либеральными убеждениями о том, что свобода и независимость личности – непрменный атрибут демократического общества, и вовсе не нужно приносить интересы личности в жертву групповым, коллективным интересам. Демократический социализм нынешней, «благополучной» поры обращается к той стороне жизни человека, которая в эпоху войн и революций, гражданской незрелости и бытовой неустроенности находилась на периферии заботы социалистических партий: счастью. Бытие, по Марксу, определяет сознание, и благополучное бытие (в том числе общественное) – залог того, что теперь самое время создавать общество счастливых людей. Об этом заявлял В. Айхлер, видный деятель европейской социал-демократии второй половины XX века. Однако понятие счастья для человека должно быть неотделимо от интересов других людей, общества. Человек социализма, по Айхлеру, – это личность, которая стремится жить в соответствии с достоинством, чтобы можно было уважать самого себя, и которая хочет обладать достаточными средствами, чтобы иметь возможность устроить свою жизнь достойно и свободно [1, с. 9].

В XX веке меняется отношение социализма к проблеме нравственности: если «пролетарский» марксизм сознательно обходил эту проблему или оговаривал ее несущественность для научной и политической сфер, теперь лейтмотивом социалистов звучит убеждение, что политика и нравственность непременно должны быть соединены [Там же, с. 8]. Социал-демократия открыто позиционирует себя как, прежде всего, нравственное движение, объединяющее тех, кто намерен содействовать гуманизации человеческих отношений. Поэтому она перестала носить узкоклассовый и приобрела широкий общедемократический характер [15].

Выводы. В целом социал-демократическая идеология и демократический социализм как движение, объединяющее многие партии прошлого и настоящего – марксистские и не только, – сыграли огромную роль в изменении европейского общества к лучшему. Во многом именно их стараниями реализовывались социальная справедливость, безопасность, благосостояние, государственная забота о бедных и беспомощных,

улучшались условия для образования и т.п. [14, с. 146]. «Социальное государство», а не государство-«ночной сторож» – тот идеал, к которому ныне стремится большинство развитых европейских стран. Это тип общества, позволяющий обеспечить относительно равномерное распределение материальных и духовных благ, посредством социальных стандартов выровнять стартовые возможности граждан, создать для них благоприятную социально-культурную среду обитания. Статус «социального государства» официально закреплен в конституциях Германии, Испании, Франции, России и др. Между тем пусть не очень четко прописанные, но вполне явственные прообразы социального, социально-правового государства содержались в платформах неонароднических партий 1917 г., когда шла предвыборная борьба: летом в органы местного самоуправления, летом и осенью – во Всероссийское Учредительное собрание. Поэтому можно сделать вывод, что в отношении гуманизма, доказав это искренним вниманием к проблемам личности и настойчивыми требованиями социальной заботы о человеке со стороны государства, русский демократический социализм (по крайней мере, народническая его часть) предвосхитил глобальные тенденции не менее чем на полстолетия.

В то же время мировая социал-демократия, преодолев убеждение Каутского о том, что «социалист не может разделять иллюзии о примирении классов в социальном мире» [13, с. 35], по мере стабилизации социально-экономических условий последовательно утрачивала радикальность. Постепенно из антикапиталистической классовой силы она превратилась в часть «политического класса», на равных правах с носителями прочих идеологий участвующую в борьбе за власть в государствах и по мере получения этой власти осуществляющую управленческие функции. Реформизм окончательно поборол революционность социал-демократии, а на аксиоме примата свободных, демократических начал в социализме над всеми частно-идеологическими различиями в послевоенные годы сошлись все партийно-политические силы демократического социализма, включая представителей русской эмиграции.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что отечественный демократический социализм, представленный партиями меньшевиков, социалистов-революционеров и народных социалистов в России первых двух десятилетий XX в., а затем переместившийся в эмиграцию, при всех своих «национальных» особенностях в общем и целом не выпадал из контекста европейского социалистического движения, а вполне органично вписывался в него. Идея необходимости построения социального государства, не вызывающая сомнений в большинстве современных демократий, была фактически озвучена российскими неонародниками более ста лет назад. Наиболее активные демосоциалистические деятели Великой русской эмиграции (В. Чернов, Н. Авксентьев, М. Вишняк, В. Зензинов, С. Мельгунов, Ф. Дан, А. Потресов, И. Церетели, Д. Шуб и др.) внесли существенный вклад в развитие и обновление идейного багажа демократического социализма не только в российском, но и в международном масштабе. Дальнейшее исследование истории сотрудничества мирового и российского социализма, проводимое комплексно и объективно, способно помочь наладить взаимопонимание между демократическими силами разных стран и народов, избавить их от тенденциозной заданности и стереотипов.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-09-00059А, проект «Деятели российского демократического социализма первой четверти XX века в межпартийных и межличностных коммуникациях».

Список источников

1. Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия: избранные труды. М.: ИВФ Антал, 1996. 256 с.
2. Валентинов Н. В. Два года с символами. М.: XXI век – Согласие, 2000. 384 с.
3. Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5847. Оп. 1.
5. Искра. 1902. 18 марта.
6. Каутский К. Эрфуртская программа (комментарий к принципиальной части). М.: Московский рабочий, 1922. 169 с.
7. Кретинин С. В. Карл Каутский, 1854-1914 гг. Воронеж: Научная книга, 2007. 557 с.
8. Кудюкин П. М. Демократический социализм, реформа и революция // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 12-20.
9. Кукушкина И. А. Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 194-201.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 23. 594 с.
11. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37-56.
12. Ненароков А. П. Взгляды А. Н. Потресова на демократию и социализм // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 21-27.
13. Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетий. Карл Каутский: хрестоматия / под общ. ред. проф. И. М. Кривогуза. М.: Ин-т обществ. наук при ЦК КПСС, 1990. 45 с.
14. Работяжев Н. В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 3 (66). С. 146-167.
15. Социал-демократия в современном мире (исторический путь: теория и практика) [Электронный ресурс]. URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr1.html> (дата обращения: 12.01.2020).
16. Чернов В. М. Истоки // За свободу. 1947. № 18 (7). С. 13-24.

17. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Изд-е Ревел. комитета ПСР, 1917. 32 с.
18. Чернов В. М. Этика и политика. СПб., 1911. 86 с.
19. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сб. ст. Нью-Йорк: Изд-е «Нового журнала», 1969. 400 с.

The Russian Democratic Socialism of the First Half of the XX Century in the Context of the Global Socialist Movement

Protasova Olga Lvovna, PhD
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The paper aims to identify typical features of the Russian democratic socialism as an integral element of the global socialist movement. The author examines the basic provisions of the democratic socialist theory taking into account its national interpretations representing specificity of the Russian political and cultural mentality. Scientific originality of the study involves a comparative analysis of the European socialists' and the Russian socialists' views on the key ideological and tactical issues of struggle for social progress. The research findings are as follows: the author proves that the domestic democratic socialism anticipated the conception of social legal state recently adopted in many West European countries.

Key words and phrases: Russian democratic socialism; ideology; political parties; freedom; state.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.5>

Дата поступления рукописи: 14.08.2020

Цель исследования – определение условий промышленного развития южных регионов – Кубани и Ставрополья – в контексте задач восстановления и реконструкции их промышленности в последние годы нэпа. Была проделана исследовательская работа по изучению деятельности промышленных предприятий в сельскохозяйственных районах Северного Кавказа в период перехода от нэпа к осуществлению задач индустриализации. *Научная новизна* заключается в изучении региональной специфики состава и функционирования промышленности в аграрных регионах в период изменения парадигм и рычагов управления экономикой. *В результате* обосновано, что в указанный период взаимосвязи и взаимодействия аграрного сектора и ориентированной на него перерабатывающей промышленности приобретают кризисные оттенки в связи со сложившейся социально-экономической ситуацией. Дифференциация предприятий по отраслям промышленности проявлялась большей частью на Кубани, чем в Ставрополье; немногочисленные предприятия, имеющие значительный вес в экономике, имелись в обоих регионах.

Ключевые слова и фразы: отрасль промышленности; нэп; аграрный регион; индустриализация.

Салфетников Дмитрий Анатольевич, к. ист. н., доц.
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
da.salfetnikov@mail.ru

Региональные условия развития кубанских и ставропольских промышленных предприятий к концу нэпа

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обобщения итогов и особенностей промышленного развития регионов на этапах социально-экономических трансформаций, одним из которых являлось свертывание нэпа. Исторический опыт вариативности преодоления кризисных явлений с позиций индустриальных задач и важности их решения имеет серьезное значение для изучения подобных процессов, проявляющих себя на современном этапе развития страны и ее экономики. В исследовании необходимо очертить круг наиболее существенных *задач*: рассмотреть, как установка на развитие тяжелой промышленности в аграрных регионах повлияла на состояние перерабатывающей; какую роль сыграло проведение линии на централизацию и укрупнение производства; изучить условия, влиявшие на кадровую обеспеченность предприятий различных отраслей промышленности в конце нэпа, а также ситуацию с дифференцированием предприятий, исходя из их производственной значимости.

Методологической основой послужили: системный подход, принципы историзма, объективности, сравнительный и индуктивный методы.

Теоретической базой исследования послужили документальные источники по данной научной проблеме, в первую очередь – введенные в научный оборот архивные материалы из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), а также опубликованные документальные материалы. *Практическая значимость* работы заключается в возможности использования ее результатов, которые отражают особенности функционирования промышленных предприятий в отдельных районах Северного Кавказа в переходный период смены экономической политики, в условиях доминирования сельскохозяйственного производства,